ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ

Слуги Господни

Продолжение. Начало в № 89

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В двух предыдущих номерах мы начали рассказывать о том, как господствующая церковь боролась с раскольниками. Сегодня мы продолжаем эту тему.

«СКРЫТАЯ УГРОЗА»

Как уже говорилось выше, чтобы ослабить влияние раскольников, которые лишились своих монастырских «гнёзд», в 30-х годах XIX в. в деревнях спешно стали открывать молитвенные дома и строить храмы господствующей церкви. Ещё в 1815 году князь Кочубей, владелец деревни Широкая Селитьба («Натальина тож») жаловался саратовскому губернатору Панчулидзеву, что в его вотчине раскольники устраивают в ближайших лесах «кельи или особенные жилища, в коих находясь, принимают нередко беглых и производят другие беспорядки, вредные вотчинам».

Под «беспорядками» в данном документе, который сохранился в архиве Саратовской учёной архивной комиссии, подразумевалось исполнение религиозных треб (крещение, венчание, погребение и пр.) по старым обрядам. Службу в таких кельях и несли беглые попы, которые некогда жили в старообрядческих Иргизских монастырях.

В 1844 году 170 крестьян сельца Натальино обоего пола, среди которых были Агап Провоторхов, Евгений Мошков и Ефим Мурзин, объявили о том, что принимают единоверие и «желают быть причислены» к приходу единоверческой церкви в с. Криволучье. Однако, принимая обновлённую веру, натальинские старообрядцы в душе оставались верны древним религиозным традициям.

В архиве Самарской духовной консистории сохранились документы 60-х гг. XIX в., в которых «расследуется» дело «Об уклонении из православия в раскол поповщинской секты села Натальина Николаевского уезда князя Кочубея крестьян вдовы Ксеньи Агаповой Ериной с прочими в количестве 459 душ обоего пола» (203 – мужчин и 256 – женщин), которое было начато в 1861 году.

Как выяснилось, «почти все они с 1836-го по 1842-й год были присоединены из раскола в православие, где при содействии их владельца князя Кочубея все христианские требы исполняли в видимом согласии с православной церковью». Причём посланнику консистории, благочинному города Николаевска протоиерею Евфимию Леопольдову, «уклонисты» объявили, что они «не отпадшие из православия в раскол, а давние раскольники; что они, если крестили своих детей в православной церкви, венчали, хоронили умерших по обряду православному, то это делали из страха и побуждению вотчинной конторы». Кроме того, натальинцы объясняли, что «об них уже делал дознание чиновник особых поручений начальника губернии г. Погодин, и на вопрос их, относиться ли им уже к православному священнику или нет, он не сказал ни слова, и это они признали, что гражданская власть считает их раскольниками».

Попытка уговорить натальинцев успехом не увенчалась. Тогда власть решила действовать силой. Самарский губернатор потребовал от Николаевского земского суда «немедленно распорядиться о воспрещении временно обязанным крестьянам с. Натальина князя Кочубея Елисею Правоторхову и Кузьме Мурзину составлять в домах своих сборища раскольников и открыто отправлять своё богослужение к соблазну православных, а тем более обращать дома свои в молена (молельни. – **Ю.К.**), предварив их, что за подобные действия они будут подвергнуты строгому взысканию».

Однако натальинцы не подчинились, и, что интересно, даже местный полицейский сотник отказался преследовать их за «сектантство».

Спор поповца и беспоповца, гравюра, 1841 г.

А уже спустя четыре года количество раскольников увеличилось. В 1865 году об «уклонении из православия в раскол» объявило уже более 600 человек из 143-х семейств Натальина и Никольской.

Как известно, в то время раскольникам запрещалось переманивать православных в свою религиозную общину. Это «деяние» приравнивалось к уголовному преступлению. И губернская власть всеми правдами и неправдами пыталась доказать, что налицо духовное «совращение». Но натальинцы твёрдо стояли на своём: нас никто не совращал – мы раскольниками были всегда.

В конце концов консистория отступилась. В декабре 1870 года в этом деле была поставлена точка:

«Делаемые увещания в течение 9 лет упорным раскольникам не имели желаемого успеха. Посему уведомить духовенство приходское о существе решения и предписать строго следить за ограждением православных от поползновения к расколу».

Верность старым обрядам подтверждалось и более ранними «расследованиями». В 1839 году Саратовской палатой уголовного суда было рассмотрено дело о трёх натальинцах – Михаиле Разине, Евстафии Слепкове и Филимоне Козлове, судимых «за похоронение детей своих без обряда христианского».

Как выяснилось, все младенцы прожили всего несколько недель. Покрестить их просто не успели: слишком далеко проживал старообрядческий священник – в Хвалынске. Поэтому родители решили похоронить их без отпевания. Обратились за разрешением к Натальинскому священнику Алексею Павперову. Дали ему кто гривенник, кто двугривенный, и он позволил. Впрочем, Павперов божился, что денег ни с кого не брал и потребовал доказательств. Доказательств у крестьян не оказалось.

Наиболее распространённым течением в старообрядчестве было поповство. Поповцы – раскольники, наиболее близкие к официальной православной церкви. Они признают священников и церковную иерархию, но разделялись на единоверцев, беглопоповцев и Белокриницкую иерархию. К последней во второй половине XIX в. относились наиболее влиятельные раскольники Самарского Заволжья братья Мальцевы.

Приведу некоторые цифры. По данным 1833 года, в Балакове проживало более 300 поповцев мужского и почти столько же женского пола, в Терсе, соответственно, 265 и 312, в Красном Яре – 166 и 172, в Быковом Отроге – 63 и 60, в Кормёжке – 25 и 24, в Сухом Отроге – 65 и 55, в Перекопной Луке – 92 и 98.

Другое основное течение в старообрядчестве – беспоповство. Беспоповцы отрицали таинства и священство, отвергали церковную иерархию. Жили в безбрачии или сожительствовали вне брака, поскольку таинства освящения брака ими отвергались. Некоторые из них не признавали царя и царской власти.

Беспоповцев было гораздо меньше. Всё в том же 1833 году в Балакове не зарегистрировано ни одного, а по всему обширному «Волгскому» (Вольскому) уезду, в который тогда входили и заволжские земли, всего около 500 мужчин и столько же женщин.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует